

вать непреодолимое препятствіе для правильнаго надзора и возможности энергичнаго преслѣдованія потравы; грошевое содержаніе лѣсной стражи, заставляя ея главнымъ своимъ занятіемъ по количеству дохода считать земледѣліе и потому отлавить большинство своего времени этому дѣлу, а не службѣ по охранѣ казенныхъ лѣсовъ; отсюда вытекаетъ прямая зависимость лѣсной стражи отъ однообщественниковъ и общность интересовъ съ послѣдними, которые въ концѣ концовъ, и дѣлаются господами положенія.

Вообще, подсѣчное хозяйство въ краѣ, богатомъ лѣсами, должно считаться наиболѣе убыточной формой земледѣлія съ обще-государственной точки зрѣнія, такой формой, которая для незначительнаго сравнительно ежегоднаго использования земли требуетъ громадной площади и губить обширныя лѣсныя пространства.

Нельзя сказать, чтобы зырянское населеніе устьсысольскаго уѣзда, въ подсѣчномъ хозяйствѣ усматривало единственный исходъ изъ настоящаго положенія: оно прибѣгаетъ къ нему отчасти вслѣдствіе юридическаго стѣсненія угодій, а отчасти вслѣдствіе неудачнаго расположенія нѣкоторыхъ селеній въ почвенномъ отношеніи.

Когда для расширенія пашень требуется громадное количество навоза, вслѣдствіе бѣдности почвы перегноемъ, населеніе естественно не стремится къ особенному расширенію угодій постояннаго пользованія, предпочитая заниматься въ болѣе широкихъ размѣрахъ подсѣчнымъ хозяйствомъ. Устраненіе этихъ причинъ, я полагаю, возможно лишь только съ проведеніемъ цѣлесообразнаго земельнаго устройства среди населенія зырянъ.

Получивъ широкій просторъ для образованія пашень послѣ землеустройства, зыряне вполне нормальнымъ путемъ, независимо отъ тѣхъ или другихъ правительственныхъ запрещеній, перейли бы и къ болѣе интенсивнымъ формамъ земледѣлія.

Колонистъ.

Бурлаки - онежане.

(Бытовой очеркъ).

Дабы не ввести читателей въ заблужденіе, спѣшу оговориться, что я пишу не о жителяхъ города Онега, а объ обитателяхъ онежскаго уѣзда и притомъ, главнымъ образомъ, объ обитателяхъ тѣхъ многочисленныхъ селеній, которыя разбросаны по обоимъ берегамъ р. Онеги отъ с. Клещова вверхъ до Бюрючева, на протяженіи 60-ти съ лишнимъ верстъ.

Это одна изъ наиболѣе населенныхъ частей онежскаго уѣзда, въ административномъ и экономическомъ отношеніи замѣтно тяготящая къ центральному пункту, большому и, сравнительно, бойкому посаду Турчасову.

Жители этого района, предприимчивые и расторопные, извѣстные подъ общимъ именемъ „онежанъ“, давно зарекомендовали себя съ наилучшей стороны во всѣхъ лѣсопромышленныхъ пунктахъ Сѣвера.

Онежане вы встрѣтите по всему необъятному Сѣверу, отъ Колы до Костромы и Искова, отъ Архангельска до Петербурга и Кронштадта.

Не любить онежалнпъ лежать на печи. Съ десяти—двѣнадцати лѣтъ и до глубокой старости колесить онъ по чужой сторонѣ, иной съ багромъ въ рукахъ, иной съ перомъ, оставляя свое хозяйство исключительно на женскія руки.

Не очень-то сладка жизнь бурлацкая! Хватнпъ голоду, хватнпъ холоду, натерпнпся всего отъ властныхъ, суровыхъ, „приказчиковъ-управляющихъ“, своихъ-же онежалъ, которые, начавши службу съ „мальчиковъ на побѣгушкахъ“ и испытавши на себѣ все прелести бурлацкаго жптья, усердіемъ и расторопностью выдвинулись изъ среды рядовыхъ бурлаковъ, вкрались въ довѣріе хозяевъ—и ужъ никто не жди отъ нихъ поблажки.

Въ приказчики или управляющіе пробиваются натуры выдающіяся, педюжипныя, что видно уже изъ того, что, достигнувъ власти, вчерашній полуграмотный бурлакъ умѣло забираетъ въ свои опытные руки нпты миллионнаго предпріятія и вертнть затѣмъ, какъ вздумаетъ, не только сотнями рабочихъ и служащихъ, но и хозяевами предпріятій.

И хозяева, понимающіе свои интересы, дорожатъ такими приказчиками, дѣлаютъ имъ уступки, сами ни во что не вѣнпшваются (ни одинъ, уважающій себя управляющій вмѣшательства хозяина въ дѣло не потерпнть),—тяжелъ такой управляющій и для хозяина, и для рядового бурлака!..

...Но „терпн, бурлакъ,—будешь самъ приказникомъ!“—И терпнть, ибо какъ заносчивость и неуступчивость передъ хозяиномъ со стороны управляющаго считается признакомъ „управляющаго-дѣлаги“, такъ покорность и умѣнне со всѣмъ мириться, во всемъ уступать считается наилучшимъ качествомъ бурлака—багорника.

Чтожъ говнть онежалнна съ родины?

Понятно: неплодородная земля, суровый, неблагопріятный для хлѣбопашества климатъ и полное отсутствіе заработковъ на мѣстѣ. Хлѣбъ своего урожая сѣдается всѣми еще къ Рождеству, а послѣ всѣхъ дѣлатъ уже конопной. И вотъ передъ Рождествомъ почти все мужское населеніе, способное къ труду, идетъ съ поклономъ къ „десятнику“.

„Десятниками“ же называются мѣстные богатые мужики, которые еще предыдущей осенью заключаютъ съ владѣльцами лѣсопильныхъ заводовъ, условіе, обязывающее ихъ пригнать съ открытіемъ слѣдующей навигаціи къ заводу извѣстное количество бревенъ, „выкатать“ ихъ на сушу и, кромѣ того, дать на зиму для завода извѣстное количество рабочихъ, чтобы этотъ лѣсъ въ теченіе зимы распилить на доски.

По заключеніи этого условія, которое болышею частію бываетъ „домашнимъ“, т. е. безъ нотаріальнаго засвидѣтельствованія, хозяинъ завода даетъ подрядчику-десятнику задатокъ, иногда до двухъ тысячъ и болѣе, смотря по тому, какое количество лѣса тотъ обязуется пригнать. Этотъ десятникъ, зимой на родинѣ набираетъ „артель“, т. е. записываетъ желающихъ съ нимъ птти на заработки и, въ свою очередь, записавшимся даетъ подъ залогъ паспортовъ задатки, размѣръ которыхъ зависнть отъ возраста и опытности записывающагося, при чемъ хорошо грамотные имѣютъ больше шансовъ на крупный задатокъ, чѣмъ „темные“, т. к. могутъ быть не чернорабочими, а „счетниками“, „табельщиками“, „надсмотрщиками“ и т. д. Въ общемъ задатки колеблются между 20 и 75 рублями. Въ то же время договаривается и недѣльная

плата, которая колеблется, въ зависимости отъ тѣхъ же обстоятельствъ, между 2 и 7 рублями въ недѣлю „на хозяйскихъ харчахъ“.

Артель во главѣ съ десятникомъ трогается въ путь въ Великомъ посту.

Первые 20—30 верстъ бабы везутъ своихъ мужей и сыновей на собственныхъ лошадяхъ и т. к. къ этому времени отъ задатковъ уже ничего обыкновенно не остается, то при прощаніи опѣ получаютъ отъ десятниковъ, въ счетъ будущихъ заработковъ „бурлаковъ“, рублей 5—10 на хозяйство.

Артель движается дальше въ глубь, чаще всего, дремучихъ лѣсовъ Вологодской губерніи.

Начинается заготовка бревенъ, всегда опредѣленной длины: партіи десятиаршинныхъ, другая—двѣнадцатyarшинныхъ.

Съ открытіемъ навигаціи лѣсъ сплавиваютъ и гонять по рѣкамъ къ заводамъ.

Время это для рабочихъ самое тяжелое. Живутъ они все время на плотахъ въ палаткахъ изъ хвои, или подъ опрокинутыми вверхъ дномъ лодками, работаютъ попеременно, днемъ и ночью, по званіи какихъ праздниковъ. Но и отдыхающая половина артели при первой тревогѣ, въ случаѣ, когда теченіемъ рѣки прорветъ заводъ (связанный цѣпами бревна, которыми обносится вокругъ нѣсколько десятковъ тысячъ плывущаго по рѣкѣ лѣса), должны встать на работу и работать, пока всѣ бревна не будутъ перехвачены заводью вновь. Сколько пужо споровки и ловкости при этой работѣ! Лодокъ тутъ не напасешься, да съ лодками и не такъ „сподручно“, поэтому опежанинъ встаетъ на первое попавшееся бревно и, работая багромъ, переѣзжаетъ чрезъ рѣку въ добрыхъ полверсты шириною, а то и больше.

Какой-нибудь „вологодскій теленокъ“ десять бы разъ утопулъ, пока-бы переѣхалъ, а „трескофдь-опежанинъ“ и не думаетъ объ опасности.

Вода—его родная стихія,—вотъ почему и цѣнятся опежанинъ на сплавѣ.

Водку пить на сплавѣ не полагается: некогда, да и условія не такія—какъ разъ пойдешь ко дну. Зато основательно выпиваютъ всѣвъ день привала, т. е. когда, наконецъ, пригоняютъ лѣсъ къ опредѣленной лѣсопилькѣ. Нужно сказать, что опежанинъ, если выпьетъ, такъ выпьетъ много, а рюмку или двѣ такъ и пить не станеть.

На слѣдующій день послѣ „привала“ опежанинъ сѣднеть въ заводскую контору:

Итъ ли съ дому письма?

И почти всегда таковое получаетъ, т. к. дома уже давно ждутъ отъ „бурлака депъженокъ“.

Форма письма установилась опредѣленною съ незанятныхъ временъ. Вотъ образецъ его.

„Любезному нашему сыну Ивану Степановичу отъ родителей вашихъ („вашихъ“ непременно) Степана Петровича и Анны Григорьевны нижайшее почтеніе и съ любовію низкій поклонъ, и присылаемъ вамъ наше заочное родительское благословеніе на лѣта ваши текущія и которое можетъ существовать по гробъ вашей жизни. И отъ супруги вашей Маріи Ивановны и отъ сестрицы Лизаветы Степановны, Окулипы Степановны и Парасковіи Степановны и отъ брата Михаила Степановича съ любовію вкупѣ по низкому поклону. И въ первыхъ строкахъ письма нашего увѣдомляемъ васъ, что всѣ мы живы и здоровы, того же и вамъ желаемъ. Еще Федосья Михайловна, что взята за Олешу Мах-

нова изъ Кутовайки, родила въ Великомъ посту двойниковъ, да оба померли, а Олеша денегъ домой не присылаетъ второй годъ, дакъ батюко говоритъ, что не пошлетъ больше пашпорта. А ты (обращеніе на „вы“ обязательно только въ поклонахъ) нимъ деньженокъ пришли хоть немного, самъ знаешь, что въ хозяйствѣ деньги нужны. Пришли безпрѣмѣнно.—Ни подписи, ни числа обыкновенно не ставится.

Теперь денегъ домой присылаютъ меньше („балуются бурлаки!“), а раньше присылали больше. Но и послѣдній бурлакъ, забывшій домъ, броситъ въ хозяйство десятку или полторы, когда нуженъ ему новый „пашпортъ“, иначе приведутъ добра молодца по этапу, что считается несмыслаемымъ позоромъ. Порядочная дѣвушка за „этапного“ и замужъ ни за что не пойдетъ.

На заводѣ бурлаки во время выкатки бревонъ живутъ нѣ общей казармѣ, работая отъ того же подрядчика, съ которымъ были на славѣ, осенью же производится съ нимъ окончательный расчетъ, при чемъ, если бурлакъ не пьянствовалъ, ему всегда въ этомъ случаѣ причтется рублей 15, 20, а то и всѣ 40, смотря по сдѣльной платѣ и по размѣру взятаго ранѣе задатка.

Если бурлакъ не остается „зимовать“, т. е. работать въ теченіе зимы на заводѣ, то получаемыя при расчетѣ деньги имѣютъ всегда опредѣленное назначеніе: бурлакъ долженъ на нихъ „справить себя“, т. е. купить гдѣ-нибудь на толкучкѣ черную суконную „тройку“ (брюки, жилетъ и поджакъ), съ цѣпочкой „американскаго золота“ часы и галоши, которыя надѣваютъ на обыкновенные „бродовые“ сапоги, съ той только разницей, что когда бурлакъ „при галошахъ, при часахъ“, онъ одѣваетъ ботинки не въ сапоги, а „на-выпускъ“.

Справивши себя такимъ образомъ, бурлакъ покупаетъ нѣсколько аршинъ цвѣтного ситцу, бумаженъ и нѣсколько яркихъ платковъ; это подарки домочадцамъ, а иногда и дальнимъ родственникамъ. Фунтъ чаю да съ полпуда „писаныхъ“ и „корепныхъ“ пряниковъ дополняютъ весь его багажъ. Если же при этомъ онъ принесетъ съ собой въ деревню „гармонь“ да хоть съ десятку денегъ—бурлакъ гремитъ на весь околотокъ!

Сосѣди зорко слѣдятъ за тѣмъ, большой ли тюкъ клади принесетъ съ собой бурлакъ, вслѣдствіе чего случается такъ грѣхъ, что по дорогѣ домой неудачники бурлаки набиваютъ свои рогожаины кули шибайкинымъ, какъ краденымъ сѣномъ.

Не успѣетъ еще бурлакъ съ дороги раздѣться, какъ со всей деревни сбѣгаются къ нему ребятишки—и каждого онъ долженъ непременно надѣлать пряникомъ, въ противномъ случаѣ скандалъ на весь округъ.

„Вотъ такъ бурлаки!—будутъ говорить злоязычныя бабы.—Бурлачилъ, бурлачилъ, а на пряники не заработилъ!“

Неудачникъ-бурлакъ—паче и для женщины и родительской чести. Вотъ почему наблюдаются еще и такія явленія: чувствуя свою несостоятельность, бурлакъ норовитъ попасть въ свою деревню въ глухой полнопный часъ.

Жена и старики такого бурлака не встрѣтятъ ласково и много, много придется ему, бѣнягѣ, выслушать за ночь различнаго рода „резоновъ“,—но чуть забрезжитъ день, какъ расторопныя жепщичи принимаютъ для спасенія пострадавшей репутаціи возвращающагося экстраординарные мѣры: заложивши въ санки коня, летятъ онѣ во весь опоръ

версть за десять къ богатому крестьянину и продають за полцѣны двѣ-три заколины лучшаго сѣна. На вырученныя такимъ путемъ деньги покупается ситецъ, платки, иногда что-нибудь и изъ одежды для бурлака и ужъ непременно хоть съ полпуда пряниковъ. Когда все это сдѣлано, объявляется по деревнѣ о прибытіи бурлака, а до тѣхъ поръ онъ повиненъ отсиживать гдѣ нибудь въ чулапѣ, или, какъ тамъ говорятъ, въ „клѣтѣ“.

Дома бурлаку не житье, а масленица: работы почти никакой, развѣ только привезти дровъ для себя или сѣна. Каждый день вечеринки, да еще какія! Для этой цѣли въ опредѣленномъ домѣ собираются ежедневно въ теченіе зимы по вечерамъ дѣвочки и парни изъ четырехъ или пяти сосѣднихъ деревень (деревни, болыпею частью, небольшія: 5—6 дворовъ) и подъ оглушительный ревъ „гармоникъ“ гуляютъ часовъ до 5 утра.

— Пусть отведутъ бурлаки душеньку,—говорятъ тогда строитыя старухи: „недолго имъ и погулять, пусть, сердешные, побалуется“.

П. Гареvскій.

Въ Печорскомъ краю.

(Шугорскій волость, Устьсысольскаго уѣзда, Вологодской губерніи).

Въ 1900 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось сдѣлать небольшую экскурсію по р. Печорѣ отъ с. Троицко-Печорскаго до с. Шугорскаго на разстояніи по р. Печорѣ 300 верстъ.

Село Шугорское, послѣдняя волость Устьсысольскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Разстояніе отъ г. Устьсысольска до с. Шугорскаго 682 версты, а отъ г. Вологды около 1500 верстъ.

Поплылъ я съ двумя работниками въ маленькой лодкѣ. Погода стояла холодная, дулъ сѣверный вѣтеръ, видимо, вся природа стала постепенно оскудѣвать.

По берегамъ р. Печоры стояли лиственныя желтыя деревья, отъ вѣтра они опускали свой лиственный лѣтній покровъ на землю.

Утки, гуси, лебеди собирались стаями, порой кричали падъ нами въ воздухѣ, улетаая въ теплые края.

Глухая мѣстность Печорскаго края, мѣстами совершенно пустынная, съ рѣдкими деревушками, обитателей инородцевъ зырянъ, пазывающихъ себя староверами, выглядывала мрачно въ скудности ихъ незатѣйливыхъ построекъ, не имѣющихъ ни одного гумна.

По берегамъ около деревушекъ часто вѣсили сѣти, или пехода; этимъ самымъ доказывалось, что обитатели края занимаются рыбною ловлею.

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, на разстояніи 500 верстъ по р. Печорѣ существовали двѣ только земскія школы въ с. Троицко-Печорскомъ и Шугорскомъ, а также былъ одинъ медицинскій фельдшерскій участокъ.

И то можно сказать, что обитатели края въ то время были фанатичны въ своихъ суевѣрныхъ убѣжденіяхъ, чуждались просвѣщенія, называли новые порядки насажденія культурной жизни: „антихристовымъ нашествіемъ“.

Черезъ двое сутокъ мы достигли с. Шугорскаго.